мерах за пределами индоевропейской семьи. Классич. тибет. *kha. lčags.kyi.mchu* 'железный клюв' (буквально *kha* 'рот'+*lčags* 'железо') как мифологическое название ворона, обитающего в аду [9], отождествимо с кетск. *кыл' ąр ек о° дыроқ* 'ворон с горячим железом во рту летит' (загадка с отгадкой *ат'эп* 'клещи', записанная в стандартном виде от разных информантов Ю. А. Крейновичем и нашей экспедицией в 1962 г.). Отождествление кетск. *-ąо* : тибет. *kha* 'рот' (шумерск. *ka* 'рот') делает вероятной древность словосложения (возможно, восходящего либо к периоду возникновения ковки или плавки железа, либо к еще более древним представлениям, связанным с метеоритным железом).

При сравнении терминологии хаттского мифа о луне, упавшей с неба, с родственными северокавказскими словами удается не только восстановить словарь исходного мифопоэтического текста, но и предложить именно на основании этимологического отождествления глаголов и относящихся к ним существительных интерпретацию всего текста как мифологического описания лунного затмения [10], ср. в особенности показательное хатт. *Kaška* 'бог Луны', отождествляемое с хурр. *Kužuγ-* (с тем же значением) и енис. **('ʌ)suj* 'луна' [11]. Каждый новый реконструируемый текст служит подспорьем и для этимологии, и для восстановления культуры носителей праязыка соответствующей семьи.

Примечания

1 *Duchesne Guillemin J.* Le probleme de la racine. — In: V-me Congres international des linguistes. Deuxième publication. Rapports. Bruges, 1939, 7—18.
2 *Raucq E.* Contribution à la linguistique des noms des animaux en indo-europeen. Antwerpen, 1939.
3 *Kammenhuber A.* Hippolgia hethitica. Wiesbaden, 1961, 208.
4 *Ebeling E.* Bruchstucke einer Mittelassyrischen Vorschriftensammlung für die Akklimatisierung und Trainierung von Wagenspferdes. B., 1951, 11, 48.
5 *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Copenhagen, 1938, 138.
6 *Bailey H. W.* A problem of Indo-Iranian vocabulary. — RO, 1957, XXI, 65.
7 *Hauschild R.* Das Selbstlob (Ātmastuti) des somaberauschten Gottes Agni.— In: Asiatica. Festschrift E. Weller. Leipzig, 1954, 252.
8 *Hauschild R.* Die Tirade von der Wagenwettfahrt des Königs Haosravah und des Junkers Nərəmanah (Yašt 5, 50). — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, 1959, VII, 1, 43—46.
9 *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь. М., 1983. I.
10 *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских названий металлов, 1983.
11 *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. — В кн.: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982, 224.

С. Каралюнас

К ВЫРАЖЕНИЮ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ 'РАННЕЕ' — 'ПОЗДНЕЕ (ВРЕМЯ ДНЯ)' [(СООТВ. 'УТРО' — 'ВЕЧЕР') В БАЛТИЙСКИХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ И.-Е. ЯЗЫКАХ

Ценный вклад в балтийскую этимологию в наше время внесли оригинальные исследования Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, Б. Йегерса, В. Мажюлиса, А. Сабаляускаса, В. Урбутиса и др., они подняли ее на современный уровень научного познания. Целую эпоху в науке по балтийской этимологии составляет крупный труд В. Н. Топорова «Прусский язык» [1] (к настоящему времени уже появились четыре тома), в котором при помощи современных методов лингвистического анализа не только изучен огромнейший материал, но и представлены тончайшие замечения и обоснованное решение сложных и запутанных вопросов по текстологии, семасиологии, исторической лексикологии и ономастике, сравнительно-исторической фонологии и грамматике балтийских языков.

Развитие балтийской науки в данной области стимулирует интенсификация этимологических исследований по другим и.-е. языкам, прежде всего славянским. В этом отношении первостепенное значение имеет издание «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева [2], в котором на основании новой диалектной лексики славянских языков дано множество новых сопоставлений и истолкований славянских и балтийских лексем. В Вильнюсе появилось обширное исследование В. Урбутиса по отдельным лексико-семантическим группам в балтийских языках [3].

Тем не менее многие лексико-семантические группы являются недостаточно изученными, некоторые еще не привлекли к себе должного внимания исследователей, у многих слов балтийских языков этимология вообще отсутствует. Таким является, напр., семантическое поле, обозначающее понятие позднего времени (соотв. вечера), в частности, и времени вообще в балтийских языках.

Не имеют этимологии лит. *vėlùs*, лтш. *vęls* 'поздний', если не считать беглых замечаний Й. Эндзелина и Ю. Покорного, восходящих к известной работе П. Перссона [4], о том, что лит. *vėlùs*, лтш. *vęls*, возможно, восходят к корню глагола лтш. *velt* 'катать, катить; валять', лит. *vélti* то же, если значение 'поздний' произошло из значения 'медленный' < 'извивающийся, вьющийся' (Mülenbach-Endzelin IV, 559; Pokorny I, 1143). Кроме того, Ю. Покорный сюда относит также лит. *valandà* 'час' (Pokorny I, 1143).

Лтш. *sebs* 'поздний', который, судя по географии употребления, скорее всего является куршским словом [5], сопоставлялся с лит. *sẽbinti* 'беречь, сберегать, скупиться'; последний в таком случае обозначал бы 'сберегать, сохранять на позднее время' [6]. Однако

на самом деле здесь идет речь об этимологии лит. *sẽbinti*. При углублении этого сопоставления, предполагается этимологическое отождествление как *sebs*, так и *ap-sebêt* 'опоздать' с местоименным корнем и.-е. **s(u̯)ebh-/*s(u̯)obh-* (ср. прус. *sebbei*, ст.-слав. *sebě*) [7].

Происхождение прус. *bīta-* 'вечер' является «твердым орешком» балтийской этимологии прежде всего потому, что, по словам Й. Эндзелина, «неизвестно, имеем ли мы здесь дело с прабалтийским **bīt-* или **bēt-*» [8]. Дело в том, что в катехизисах прусского языка, где это слово засвидетельствовано, долгий гласный *ē* изменился в *ī*, за исключением первого катехизиса, где балтийский долгий *ē* обозначается знаком *e*, однако в его языке предполагается существование заимствований, как напр. *menisnan* 'память' (acc. sing.) (*i* из *ē*), из такого диалекта, где имел место переход *ē* > *ī* [9].

Кстати, в I катехизисе это слово один раз зафиксировано с *e* (*betten eden* 'ужин' наряду с *bietis eden* то же (acc. sing.), т. е. *bītis*), однако в отношении вокализма его можно сравнивать с *rekis*, *rekian* 'господин', где *e* замещает древний *ī*.

С другой стороны, при допущении, что в фиксации I катехизиса *betten eden* графема *e* обозначает исконный долгий *ē*, *bietis* (*eden*) (т. е. *bītis*) того же катехизиса был бы словом такого же типа, как и *menisnan*, т. е. словом, проникшим из такого диалекта, где *ē* перешел в *ī*.

В таком положении действительно трудно сказать что-нибудь определенное о происхождении прус. *bīta-* 'вечер'.

Тем не менее, не считая нескольких более ранних попыток этимологизации прус. *bīta-* 'вечер' [10], из последних этимологических объяснений особого внимания заслуживают концепции Мажюлиса и Топорова: согласно первой, исходящей из того, что в е ч е р — это время, когда особенно часто возникает чувство с т р а х а, прус. *bīta-* 'вечер' принадлежит корню **bhī-*, прус. *bīztwei* 'бояться' [11]; согласно второй, учитывающей обычную семантическую связь слов, обозначающих вечер и вчера, и типологически нередкое обозначение этих понятий через основу глагола 'быть', в основе прус. *bītai* 'вечером' лежит **bī-t-*, образование от глагола *būton*, сопоставимое с лит. *bìt*, *bìti* 'был, была, были' (3 p. praet.) (Топоров. Прус. яз. A—D, 232).

Вместо прусского топонима *Bêtin* хроники Йерошина в других документах дается, по-видимому, немецкий перевод Abenda (Abinde или Obende), что в виду прусско-немецкого билингвизма вполне допустимо. На этом основании *Bêtin* (ср. еще *Bethen*, *Po-beten*) отождествляется с *bīta-* 'вечер', что с семантической точки зрения является вполне возможным, ср. литовские топонимы *Vakaraĩ*, *Vakãriai*, *Vãkariškės*, образованные от *vãkaras* 'вечер', и для прус. *bīta-* восстанавливается праформа **bēta-* [12].

Важным шагом по пути к разъяснению топонимов *Bêtin*, *Bethen* и *Po-beten* и к установлению исходной праформы прусского названия вечера явилось отождествление упомянутых прусских топонимов, сделанное В. Н. Топоровым, с литовскими топонимами *Bẽčiai*, *Bẽčiūnai*, *Bẽčiónys*, *Bẽčia-kelniai* < **bētio-* (с долгим корневым *ē*),

Besčiai < **bestio-* < **bet(s)t-*, *Bẽtiškė*, *Betýgala*, *Bečiai* (с кратким корневым *e*) (Топоров. Прус. яз. A—D, 214) [13], ср. также литовские антропонимы *Bẽčius*, *Bẽčas* < **bētio-*, *Bẽta*, *Bẽtáitis*, *Bẽčius*, *Bẽčas*, *Bečẽlis* < **betio-*. То обстоятельство, что данные прусские и литовские топонимы (соотв. антропонимы) восходят к одному и тому же корню, ни в коем случае не предполагает для этого корня исходного значения 'вечер', так как лексема *bīta-* 'вечер', по-видимому, является инновацией прусского языка. Соответствия в литовском языке отражают, как представляется, более древнее значение, свойственное этому корню (ср. лит. *Besčiai* < **bet-(s)t-* и лтш. *bests* 'большой, крупный' < **bet-(s)t-*, см. ниже), из которого в прусском языке развилась семема 'вечер' (см. ниже).

Следовательно, прусские топонимы *Bêtin*, *Bethen*, *Po-beten* своим происхождением могут быть связаны с *bīta-* 'вечер', и в их основе скорее всего лежит праформа **bēta-* с долгим корневым *ē*, что подтверждается соответствиями лит. *Bẽčiai*, *Bẽčia-kelniai*, *Bẽčiūnai*, *Bẽčiónys*, *Bẽčius*, *Bẽčas*, *Bẽta*, отражающими однако более древнее значение.

Для данных лексем, обозначающих 'позднее (время дня)' соотв. 'вечер', характерны определенные формальные показатели, а именно: продленная ступень корневого вокализма в лит. *vẽlùs*, лтш. *vẹ̃ls* и в прус. *bīta-* 'вечер' < **bēta-*, если наша гипотеза верна; *-u-* основа в лит. *vẽlùs*, лтш. *vẹ̃lš* < балт. **u̯ēlus* и, по-видимому, в лтш. *sebs*, отчетливо проявляющаяся в адвербиальных формах (лит. *vẽlù*, лтш. *vêlu* и *sebu*) наряду с тоже древней *-o-* (балт. *-a-*) основой у лит. *vẽlas*, лтш. *vẹ̃ls* < балт. **u̯ēlas* и с суф. *-īmas* в лит. *vẽlymas* и лтш. *vêlîms* 'поздний'.

В связи с этим представляется возможным для данного семантического поля найти общий смысловой знаменатель в диахроническом плане, который поиски этимологического объяснения позволяет повернуть в другое направление. Противопоставление 'утро' — 'вечер' в большинстве случаев представляет собой не что иное, как противопоставление 'раннее' — 'позднее (время дня)', ср., с одной стороны, прус. *angstainai*, *angsteina* 'утром': лит. *ankstáinais*, *ankstéinai(s)*, *ankstienais* 'очень рано', *ankstì* 'рано'; укр. *ра́нок*, блр. *ранкі* (мн.), польск. *(po)ranek*, *rano* 'утро'; ст.-слав. *rano*; лат. *mãne*, *mãnī* 'утром; (позднее) утро': *mãne* 'рано'; с другой стороны, исп., порт. *tarde* 'вечер': итал. *tardo*, франц. *tard* 'поздний'; лат. *sēra* 'вечер' (> итал. *sera*, рум. *seară* 'вечер'): лат. *sērus* 'поздний'; греч. ὀψία 'вечер': ὄψιος 'поздний'; гот. *seiþu* 'вечер': *seiþus* 'поздний' (Buck, 997). Поэтому более древняя семантическая структура 'позднее время (дня)' предполагается ipso facto и для тех случаев (как напр. прус. *bīta-* 'вечер', ср. еще *bītai* 'вечером'), где семема 'поздний (поздно)' непосредственно не засвидетельствована. Противопоставление 'ранний (рано)' — 'поздний (поздно)' во многих случаях восходит, по-видимому, к более древнему семантическому противопоставлению 'скорый, быстрый (скоро, быстро)' (ср. лит. *ankstì* 'рано': др.-инд. *áñjaḥ* 'быстрый, скорый'; ирл. *go luath* 'рано': *luath* 'быстрый,

скорый') — 'медленный, нескорый, продолжающийся, долгий (о времени) (медленно, нескоро, долго); долгий, длинный, большой, широкий, просторный (о пространстве)' (Buck, 960—962). При этом второй член противопоставления, когда речь идет о живом существе, выражается в виде набора значений 'медленный, медлительный, ленивый, неповоротливый, неуклюжий, большой; вялый, слабый, обессиленный, дохнущий, околевающий, умерший (делаться, становиться вялым, слабым, обессиленным, ленивым, слабеть, дохнуть, околевать, умереть)', ср. лат. *sērus* 'поздний': др.-ирл. *sīr* 'долгий (о времени)', гэльск. *hir* 'долгий, длинный'; гот. *seiþus* 'поздний', др.-исл. *síðr* 'поздно': др.-исл. *síðr* 'спускающийся, висящий, обвислый, низменный, низкий; долгий', др.-англ. *síd* 'спускающийся, ниспадающий; широкий, просторный'; итал. *tardo*, франц. *tard* 'поздний': лат *tardus* 'медленный, медлительный, неповоротливый; медленно уходящий, долгий, медленно надвигающийся, нескорый, поздний'; др.-исл. *seinn* 'медленный; поздний', др.-англ. *sǽene* 'медленный; неповоротливый, неуклюжий, ленивый, вялый', ср.-в.-нем. *seine* то же; др.-ирл. *mall* 'медленный'; поздний'; англ. *late* 'поздний, запоздалый; умерший, покойный, бывший', др.-англ. *lat* то же, голл. *laat* 'поздний', др.-исл. *latr* 'ленивый, нерадивый, вялый, медлительный', др.-в.-нем. *laz*, нем. *lass* 'слабый, усталый, вялый, дряблый, изнеженный, ленивый'. *Tertium comparationis* 'поздний (поздно)', иногда отсутствует, ср. н.-греч. τὸ βράδυ 'вечер': греч. βραδύς 'медленный, ленивый, вялый, медлительный', лит. *gurdùs* 'слабый, обессиленный; медлительный, мешкотный', *gurdìnti* (*-ìna*) 'мучить, изнурять, томить; терять время'; др.-исл. *kveld* 'вечер', др.-англ. *cwield-tíd* 'вечер, вечернее время', др.-в.-нем. *quilti-werk* 'вечерняя работа': др.-англ. *cwield* 'разрушение, разорение; смерть', др.-исл. *kvelja*, др.-англ. *cwellan* 'мучить, истязать, пытать, терзать', дат. *kvæle*, др.-дат. *kvælie* 'мучить, терзать, (за)душить', др.-англ. *cwelan* 'умереть'. Это вполне понятно, так как значения 'мешкать, медлить, терять, тратить время (медленный, мешкотный)' и 'умереть, дохнуть, околевать (слабый, обессиленный, умирающий, дохнущий, околевающий)' теснейшим образом взаимосвязаны, ср. лит. *gaĩšti* (*-šta*) 'мешкать, медлить, терять, тратить попусту время; падать, дохнуть, околевать'.

Согласно данной системе семантических отношений, выражающих противопоставление 'раннее' — 'позднее (время)' соотв. 'утро'— 'вечер', представляется возможным прус. *bīta-* 'вечер' в этимологическом плане сопоставить, с одной стороны, с лит. *bẽtarotis* (*-ojasi*) 'слабеть, ослабевать, дохнуть, погибнуть', а с другой, с лтш. *bests* 'большой, крупный', *bestrs* 'бравый, бойкий, живой, сильный, крепкий, широкоплечий, большой, крупный' < **bet-(s)t-* и лит. *bóteris* (*bõteris*), *bóterainas* 'большой, крупный'. К этому кругу родственных лексем из славянских языков, по-видимому, относятся рус. диал. *бóметь*, *ботéть* 'толстеть, полнеть, жиреть; сильно, быстро расти (о растениях); напитываться жидкостью, разбухать', укр. *ботíти* 'жиреть, крепнуть, толстеть'; болг. *ботéя* 'буйно расти', словен. *botavéti* 'опухать', *botiti se* 'надуваться, раздуваться' и др. (<слав. **botěti*, **botvěti*) (См. ЭССЯ 2, 225). Из этих предположительно первичных значений могло развиться, с одной стороны, 'большой, крупный, сильный, крепкий, живой, бодрый . . .', а с другой, значение 'слабеть, дохнуть, гибнуть', (<'надуваться, раздуваться'; семасиологически ср. лтш. *paupt(-stu)* 'пухнуть, вздуваться, набухать': лит. *paũpti* (*-sta*, *-ia*) 'дохнуть, погибнуть, околевать'; лит. *pampti* (*-sta*) 'разбухать, бухнуть; распухать, вздуваться; дохнуть, погибнуть, околевать').

Лит. *bẽtarotis* (*-ojasi*) представляет такую формальную структуру, которая обычно характерна для деноминативов (<**bẽtara-* 'слабый, гибнущий, дохнущий'). Лит. *bóteris*, *bõteris* 'большой, крупный' < **bāter-* и **bẽtara-* 'слабый, гибнущий, дохнущий' < **bẽtor-* имеют регулярное чередование гласных в корне (*ā/ē*, ср., напр., лит. *vókas* 'веко': ст.-слав. *věko*; лтш. *bāls*, *bàls* 'бледный'; слав. **bělъ*; прус. *tāws*, *towis*: лит. *tẽvas* 'отец') и в суф. (*e/o*). Нормальная огласовка *e* корневого вокализма представлена в лтш. *bests*, *bestrs* < **bet-(s)t-*, в топонимах лит. *Besčiai* < **bel(s)t-*, *Bečiaĩ* < **betio-*, *Bẽtiškė(s)*, *Betý-gala*, в антропонимах *Bẽčius*, *Bẽčas*, *Bečẽlis* < **betio-*.

На основании тех же соображений семантического порядка представляется возможным др.-инд. *doṣá* 'вечер, ночь, темнота' соотнести с лит. *dùsti* (*dūsta*, *dùso*) 'задыхаться; умереть', лтш. *dust* (*-šu*, *-su*) 'тяжело дышать', лит. *dušẽnti* (*-ẽna*) 'мучить, изнурять, утомлять, томить' (с переходом *s* в *š* после *u*), ст.-слав. *vъz-dъchněti*, рус. *дóхнуть*, *душúть* и др.

Лтш. *sebs* 'поздний' < балт. **s(u)ebas* сопоставляется с такими словами латышского языка, как *sebinâtiês* 'опаздывать, быть медленным, медлительным', *ap-sebêt* 'опоздать; приходить в упадок, гибнуть', а также *svabads* 'слабый, вялый, дряблый, усталый; не связанный, развязавшийся, распущенный, свободный' при глаголе *atsvabinât* 'освободить, освобождать'. В литовском языке сюда относятся *sveberúoti* (*-úoja*) 'качаться, колебаться, колыхаться' и *svabinëti* (*-ëja*) 'ходить как одурелый (одурело)'.

К данной семантической модели, проявляя во многом общее с лтш. *sebs* смысловое развитие, относятся, по всей видимости, также лит. *vẽlas*, лтш. *vę̃ls* и лит. *vèlùs*, лтш. *vę̃lš*. Однако вопрос об этимологическом объяснении этих восточнобалтийских лексем, обозначающих 'поздний', обстоит менее благополучно, чем в предыдущих случаях. Дело в том, что, как ни странно, лит. *vẽlas*, *vèlùs*, лтш. *vę̃ls*, *vę̃lš*, по-видимому, относятся к корню, представленному в др.-лит. *vẽlmi* (1 p. sing. praes.), *vélti* (3 p. praes.) 'разрешает, позволяет; желает, пожелает' < **uēl-* и лтш. *vẽlêt* (praes. *vę̃lu*, *vẽlu*, *vę̃lu*, *-ẽju*, praet. *-ẽju*) 'желать, пожелать; разрешать, позволять'. Лексемы со значением 'поздний' являются, по-видимому, производными с основами на *-u-* и *-o-*, а также с суф. *-īmas*, и первоначальное их значение восстанавливается как 'слабый, вялый, дряблый; не связанный, развязавшийся, распущенный, свободный; свободный, просторный'. Данное положение подтверждается значениями производных от лексемы *vaļa* 'вольность, свобода; свободное время, досуг; сила, мощь; разрешение, позволение; воля' в латышском языке, принадлежащей

к глагольному корню *u̯el-/*u̯ēl-, нормальная ступень корневого вокализма которого представлена в ст.-слав. *veljǫ*, рус. *велю* и лат. *volō* 'хочу, желаю, предпочитаю' < *u̯elō : *vaļš* 'неприкрепленный, непривязанный, несвязанный, отвязанный, развязавшийся, освободившийся, освобожденный, распущенный, рыхлый, слабый; свободный, незанятый', *vaļīgs, vaļīns, vaļins* то же; 'просторный, свободный; праздный, бездеятельный; открытый', *vaļējs* 'свободный, не прикрепленный, не связанный, отвязанный, развязавшийся, рыхлый, шаткий, слабый, вялый, обвисший, дряблый; открытый'.

Поэтому переход значений от 'разрешать, позволять; велеть; (по)желать' (др.-лит. *vélti*, лтш. *vēlêt*, ст.-слав. *veljǫ*) к 'слабый, вялый, рыхлый; неприкрепленный, непривязанный, развязавшийся, освободившийся, освобожденный, распущенный; свободный, просторный; свободный, незанятый, праздный' с последующим изменением в 'поздний' (балт. *u̯ēlas, *u̯ēlus, *u̯ēlīmas) является вполне возможным (в семасиологическом отношении еще ср. др.-исл. *láta* 'оставлять, покидать; освобождать, выпускать; упускать, терять, лишаться . . .', др.-в.-нем. *lāʒʒan*, н.-в.-нем. *lassen* 'оставлять; бросать, переставать; давать (возможность), позволять, разрешать, велеть, заставлять' наряду с др.-исл. *latr* 'ленивый, нерадивый, вялый, медлительный', др.-в.-нем. *laz*, н.-в.-нем. *lass* 'слабый, усталый, вялый, дряблый, изнеженный, ленивый', англ. *late* 'поздний . . .'). При этом важную роль в данном развитии сыграло промежуточное значение 'медленный (медленно)', которое как раз и засвидетельствовано в корне *u̯el-/*u̯ēl-, ср. адвербиальное использование *vaļa* соотв. *vale* 'воля . . .' в латышском языке: *vaļām* 'свободно, просторно; открыто; медленно, мало-помалу, постепенно', *valēm, valītēm* 'медленно, не спеша, спокойно, на досуге'. Наличие таких значений в этимологической идентификации данных лексем приобретает исключительную важность тем более, что значение 'медленный (медленно)' засвидетельствовано в литовском заимствовании в диалектах русского языка *вала́нда* 'медлительный человек' с его производным *вала́ндаться* 'мешкать, медлить, медленно работать, тратить время попусту', источником которого считается лит. *valandà* 'неопределенный промежуток времени' (Фасмер I, 268) [14]. Естественно, расстояние между значениями 'медлительный человек (мешкать, медлить)' и 'неопределенный промежуток времени' огромное и с первого взгляда кажущееся непреодолимым, вот почему тонкий знаток истории литовского языка К. Буга считал, что «лит. *valandà* 'час' не имеет никакого отношения к *вала́ндать(ся)*» [15]. Между тем значение 'мешкотный, медленный (мешкать, медлить)' с идеей времени связано, по-видимому, таким образом, что неопределенный промежуток времени, время в сознании первобытного человека представлялось как замедление, задержка, остановка, пауза в работе, т. е. как передышка, отдых соотв. как свободное (от работы) время, досуг, ср. напр. др.-в.-нем. *hwīl, wīla* (н.-в.-нем. *Weile*) 'некоторое время; досуг', др.-англ. *hwīl* (англ. *while*) 'время, промежуток времени', гот. *hweila* 'время', норв. *hvil* 'краткая остановка, пауза в работе', дат. *hvile* 'покой, отдых', др.-исл. *hvíla* 'место отдыха, кровать' наряду с гот. *hveilan*

'медлить, переставать, прекращаться'; др.-исл. *stund* 'момент, время, период, час . . .', др.-англ. *stund* 'определенный промежуток времени, момент, час, время' и др. наряду с др.-исл. *standa* 'стоять' и др.

На данном воззрении (Anschauung) основано в самих балтийских языках мнение о происхождении наиболее распространенного названия времени, а именно: лит. *laikas*, лтш. *laiks*, в семантическом спектре которых засвидетельствовано первичное значение 'свободное от работы время, час отдыха, досуг', связывающее их непосредственно с лит. *likti* (*liẽka*) 'оставаться, остаться; иметь свободное время . . .', *nu-likti* 'остаться, оставаться; сделать свободным, незанятым, дать отдых; иметь, получить свободное время, досуг . . .' (кроме того, ср. *nío-laikas, nuo-laikùs* 'свободный (от работы), незанятый', *nío-laika* 'свободный от работы промежуток времени, незанятое время; остаток').

Развитие первичного плана содержания лит. *valand-* 'свободный, досужий; свободное время, досуг; свободный (от работы), незанятый, праздный' (: *u̯el-/*u̯ēl- 'разрешать, позволять; велеть: (по)желать') шло по двум направлениям: с одной стороны, оно привело к смыслу 'неопределенный промежуток времени, время (свободное от работы время, досуг)', с другой, дало значение 'мешкотный, медленный (о человеке)' (о его связи со значением 'свободный, досужий (свободное время, досуг)' ср. напр. нем. *in aller Musse, mit Musse* 'не спеша, спокойно, на досуге': *Musse* 'свободное время, досуг'). Рус. диал. *вала́нда* 'медлительный человек' заимствовалось из тех литовских диалектов, которые развили последнее значение.

Таким образом, лит. *valandà* 'неопределенный промежуток времени' и лит. *vèlùs*, лтш. *vêļš* 'поздний', по-видимому, относятся к одному и тому же корню (: лит. *vélti* 'разрешает, позволяет; (по)желает', лтш. *vēlêt* '(по)желать; разрешать, позволять', ст.-слав. *veljǫ* 'велю'), и предположение Ф. Шпехта о существовании здесь формантов *-u-/-an(d)-* является вполне обоснованным [16].

В данной системе семантических отношений свое этимологическое объяснение получает также слав. **lěto*: во-первых, в старославянских памятниках этим словом переводятся греч. χρόνος и ἔτος, следовательно, древним значением слав. **lěto* было 'время; год'. Во-вторых, нужные значения семантической корреляции представляют рус. *леть* 'можно, дозволено', др.-рус. *лѣть* 'возможность, приличие', ст.-слав. лѣта (ѥста), лѣтиѩ ѥста 'можно, дозволено', др.-чеш. *letenstvie* 'добродушие, благожелательность; великолепие', др.-польск. *lecieństwo* 'свобода', лит. *lẽtas* 'медлительный; слабый, кроткий, тихий, спокойный'. В-третьих, появление общеславянского значения 'лето, Sommer, *été*' объясняется модификацией трехчленной семантической оппозиции *год — лето — весна*: под влиянием новообразования слав. **godъ* 'удобное, подходящее время; год' слав. **lěto* движется к заполнению пустой клетки в семантической системе ('лето, Sommer, *été*').

В качестве выводов можно указать на следующее: 1) противопоставление 'утро' — 'вечер' в большинстве случаев представляет собой противопоставление 'раннее' — 'позднее (время дня)'; 2) про-

тивопоставление 'ранний (рано)' — 'поздний (поздно)' во многих случаях восходит, по-видимому, к более древнему семантическому противопоставлению 'скорый, быстрый (скоро, быстро)' — 'медленный, нескорый, продолжающийся, долгий (медленно, нескоро, долго); долгий, длинный, большой, просторный, свободный; медленный, медлительный, мешкотный, ленивый; вялый, слабый, обессиленный, умирающий, дохнущий; не связанный, не привязанный, неприкрепленный, развязавшийся, освободившийся, освобожденный, распущенный, свободный; свободный, незанятый, праздный'; 3) прус. *bīta-* 'вечер' < **bēta-* относится, по всей видимости, к корню, представленному в лит. *bẽtarotis* (*-ojasi*) 'слабеть, ослабевать, дохнуть, погибнуть', *bóteris* (*bõteris*), *bóterainas* 'большой, крупный', лтш. *bests* 'большой, крупный', *bestrs* 'бравый, бойкий, бодрый, живой, крепкий, большой . . .' < **bet-(s)t-*; 4) лтш. *sebs* 'поздний' < **s(u̯)ebas* сопоставляется с лтш. *ap-sebêt* 'опоздать; приходить в упадок, погибнуть', *at-svabinât* 'освободить, освобождать', *svabads* 'слабый, вялый, дряблый, усталый; не связанный, развязавшийся, распущенный, свободный'; 5) лит. *vẽlùs*, лтш. *vệls* 'поздний' этимологически отождествляется с др.-лит. *vélti* 'разрешает, позволяет; (по)желает', лтш. *vẽlêt* то же, лит. *valià* 'воля; свобода', лтш. *vaļa* 'вольность, свобода; свободное время, досуг; разрешение, позволение; воля'.

Примечания

[1] *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. A—D. М., 1975; E—H. М., 1979; I—K. М., 1980; K—L. М., 1984.
[2] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1984. 1—11.
[3] *Urbutis V.* Baltų Etimologijos Etiudai. Vilnius, 1981.
[4] *Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1916, 543.
[5] *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1961, III, 212—213.
[6] *Augstkalns A. Sebs* «vēls», *sebu.* — Filologu biedrības raksti, XIV, 1934, 118.
[7] *Blesse E.* Lettische Etymologien. — KZ 75 1957, 96—113.
[8] *Endzelīns J.* Senprūšu valoda. Rīgā, 1934, 151.
[9] Там же, 26.
[10] Хороший обзор дан В. Н. Топоровым: *Топоров.* Прус. яз. A—D, 230.
[11] *Mažiulis V.* Del prūsų etimologijų. — Kalbotyra XIV, 1966, 104—106.
[12] *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922, 7, 20, 126; *Endzelīns J. Darbu izlase.* III, 2, 389.
[13] Ср. также: *Būga K.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958, I, 422.
[14] Ср. также: *Кипарский В.* О балтизмах русского литературного языка. — Baltistica IX, 1973, 70; *Kiparsky V.* Russische Historische Grammatik. Heidelberg, 1975, III, 93; *Urbutis V.* Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai. — Baltistica V, 1969, 52. В работе Ю. А. Лаучюте (Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982) отдельная статья о рус. диал. *валáнда*, к сожалению, отсутствует.
[15] *Būga K.* Rinktiniai raštai, III, 645.
[16] *Specht F.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, 159.

Г. П. Клепикова

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Важность учета фактов лингвогеографии и прежде всего — «географии слов» — в работах историко-лексикологического и этимологического характера осознана давно, еще на стадии становления данной, оцениваемой как историческая в широком смысле слова, языковедческой дисциплины [1]. Исходным при этом признается положение, согласно которому современный лингвистический ландшафт, представленный на диалектологических картах, — т. е. пространственная проекция (и соотношение) явлений языковой системы (в том числе лексико-семантических микросистем), — может рассматриваться в известной мере как аналог временной последовательности этапов развития данной системы. Уже А. Доза писал: «. . .Основная цель лингвистической географии состоит в том, чтобы восстановить историю слов. . . на основании современных форм и типов» [2]; ныне о лингвогеографии говорят как о диахронии, «опрокинутой» в синхронию [3], как о диахронии, развернутой в пространстве [4], о том, что «синхронный, но диатопический срез языка отражает диахронию» [5], что «хроно-изоглоссы могут быть выведены ретроспективно, путем критического изучения современных топоизоглосс» [6] и под. Вместе с тем отсутствует единство мнений о том, в какой степени, в каких случаях можно рассчитывать на эффективность использования этих данных в историко-лингвистических трудах. Так, наряду с утверждениями о «примате живой диалектной речи» типа: «. . .если описательная диалектология (в которую органически вписывается лингвогеография. — *Г. К.*). . . может обходиться без привлечения данных истории языка, то история языка не может обходиться без данных диалектологии» [7], высказываются и более осторожные суждения: «. . .Лингвистическая география — дополнительный критерий, необходимость в котором для этимологического исследования тем выше, чем обрывочнее материал и чем сложнее выводы самого исследования» [8].

По-видимому, одну из существенных причин подобного различия во взглядах можно усматривать в недостаточной разработанности самой методики диахронической интерпретации изоглосс, выявленных в процессе синхронного лингвогеографического описания диалектного континуума. В сфере словарного состава, например, несомненную трудность представляет процедура стратификации — установления (относительной) хронологии этапов семантического развития той или иной лексемы, отраженного в совокупности «изосем» на соответствующей карте [9]. И в этой связи следует иметь в виду принципиальную гипотетичность, «релятивность» результатов всех предлагаемых интерпретаций изоглосс, и отсюда —